

Д.А. Бакланов*

**ПЕРСОНАЛИЗМ И «ПОИСК СВОБОДЫ»:
ШТРИХИ К ПОНИМАНИЮ ИСТОРИИ
ИСАИЕЙ БЕРЛИНЫМ**doi:10.31518/2618-9100-2026-3-4
УДК 930.2

Выходные данные для цитирования:
Бакланов Д.А. Персонализм и «поиск свободы»: штрихи к пониманию истории
Исайей Берлиным // Исторический курьер. 2026. № 3 (47). С. 52–60.
URL: <http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-3-04.pdf>

D.A. Baklanov*

**PERSONALISM AND THE “SEARCH FOR FREEDOM”:
TOUCHES TO THE UNDERSTANDING OF HISTORY
BY ISAIAH BERLIN**

doi:10.31518/2618-9100-2026-3-4

How to cite:
Baklanov D.A. Personalism and the “Search for Freedom”:
Touches to the Understanding of History by Isaiah Berlin // Historical Courier, 2026,
No. 3 (47), pp. 52–60. [Available online: [http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-](http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-2-04.pdf)
2026-2-04.pdf]

Abstract. The paper presents an analysis of the historical model of Isaiah Berlin (1909–1997) using the example of his understanding of the Russian intelligentsia and its specific representatives in the context of the development of intellectual history in the middle of the 20th century. Berlin was primarily famous for his research in understanding the problem of “liberty” (or “freedom”). The author shows how Berlin’s creative activities in this sphere are related to the theoretical and methodological features of his vision of the past. Berlin’s political and philosophical constructions were closely intertwined with his research in the field of Russian thought of the 19th century. Numerous characters of his essay (V.G. Belinsky, A.I. Herzen, M.A. Bakunin, L.N. Tolstoy, and others) became Berlin’s original guides not only to the intellectual landscape of the era, but also formed a solid foundation for his understanding of “freedom”. It was possible to identify a significant influence on Berlin of the Russian philosophical tradition, especially personalism (N.A. Berdyaev), as well as the historical constructions of R.G. Collingwood. Berlin’s explanations on the problem of “freedom” predetermined that personalistic orientation, where the personality was placed at the forefront in a dialogical and polyphonic unity with its creative, spiritual world. Thus, the philosophy of personalism, coupled with the “search for freedom”, became the fundamental principles for Isaiah Berlin, determining both the content of a number of his essays and their external form.

Keywords: Isaiah Berlin, liberty, freedom, intellectual history, history of ideas, personalism, N.A. Berdyaev, R.G. Collingwood, Russian intelligentsia.

*The article has been received by the editor on 13.01.2026.
Full text of the article in Russian and references in English
are available below.*

Аннотация. В статье представлен анализ исторической модели Исаи Берлина (1909–1997) на примере осмысления им русской интеллигенции и ее конкретных представителей в контексте развития интеллектуальной истории середины XX в. И. Берлин в первую очередь прославился своими изысканиями в осмыслении проблемы

* **Даниил Антонович Бакланов**, аспирант, ассистент кафедры истории и теории исторической науки исторического факультета Историко-архивного института, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия, e-mail: bdaniil.01@mail.ru

Daniil Antonovich Baklanov, Postgraduate Student, Assistant of the Department of history and theory of historical science of the Historical faculty of the Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, e-mail: bdaniil.01@mail.ru

«свободы». Автор статьи показывает, каким образом творческая активность Берлина в этой сфере связана с теоретико-методологическими особенностями его видения прошлого. Политико-философские построения Берлина тесно переплетены с его изысканиями в области русской мысли XIX столетия. Многочисленные герои эссе (В.Г. Белинский, А.И. Герцен, М.А. Бакунин, Л.Н. Толстой и др.) стали для Берлина своеобразными проводниками не только в интеллектуальный ландшафт эпохи, но и составили крепкий фундамент его понимания «свободы». Удалось выявить существенное влияние на Берлина русской философской традиции, в особенности персонализма (Н.А. Бердяев), а также исторических построений Р.Дж. Коллингвуда. Изыскания Берлина в отношении проблемы «свободы» предопределили ту персоналистическую ориентацию, где во главу угла ставилась личность в диалогическом и полифоническом единстве с ее творческим духовным миром. Тем самым философия персонализма вкупе с «поиском свободы» стали основополагающими установками для Исайи Берлина, предопределив и содержательное наполнение ряда его эссе, и их внешнюю форму.

Ключевые слова: Исайя Берлин, свобода, интеллектуальная история, история идей, персонализм, Н.А. Бердяев, Р.Дж. Коллингвуд, русская интеллигенция.

Статья поступила в редакцию 13.01.2026 г.

Введение. Имя Исайи Берлина (1909–1997), британского мыслителя с русско-еврейскими корнями, прочно ассоциируется с понятием «свободы»¹. Знаменитое эссе о двух видах «свободы» – «позитивной» (свобода «для») и «негативной» (свобода «от») (1958 г.), выросшее из инаугурационной лекции при его вступлении в должность чичелийского профессора Оксфорда, стало доминантой и своеобразной точкой отсчета в многочисленных попытках представить общую картину складывания Берлина как теоретика современной либеральной политической мысли. Одни считают, что берлиновский либерализм – его нередко называют «агональным»² – имеет исконно западноевропейскую тональность, другие ищут и находят его глубинные корни в русской философской традиции³. Интеллектуальные поиски Берлина в отношении понятия «свободы» нередко ставятся в один ряд с более поздними конструктами ученого, например «объективным горизонтом ценностей», дополнившими его оригинальный взгляд на проблему либерализма. Между тем Берлин не оставил после себя какой-либо единой философской системы⁴ – в определенной мере это противоречило его собственным представлениям: его мысль раскрывается в многочисленных осколках, разбросанных в целой россыпи текстов, лекций, интервью.

В общем историографическом разрезе слава Исайи Берлина как политического философа сильно перевешивает его достижения в области изучения в большей степени русской (ранний период творчества), в меньшей степени – европейской (зрелый и поздний этап, соседствующий с его осмыслением общефилософских проблем) мысли XVIII и XIX вв.⁵ Порой два его амплуа – политического философа и историка идей – сильно разводятся между собой и осмысляются опосредованно друг от друга, что затрудняет более целостное понимание творческого наследия Берлина. В настоящей статье предпринята попытка наметить новые штрихи в его подступах к осмыслению понятия «свободы», в том числе

¹ См.: Поляков Л.В. О понимании свободы. Перечитывая Исайю Берлина // Полития. 2009. № 1. С. 78–91; MacCallum G.C. Negative and Positive Freedom // The Philosophical Review. 1967. Vol. 76, № 3. P. 312–334.

² Паньковский А. Агональный либерализм Исайи Берлина // Логос. 2003. № 4–5. С. 166–177; Грановская О.Л. Делиберативная и агрегативная модели демократии и агональный либерализм И. Берлина // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2015. № 2. С. 126–135.

³ Грановская О.Л. Исайя Берлин: британский либерализм и русская философия (диалог мировоззрений) // Вопросы философии. 2014. № 9. С. 51–59.

⁴ Грановская О.Л. Исайя Берлин как философ и педагог // Высшее образование в России. 2015. № 8–9. С. 166.

⁵ Сам Берлин называл себя именно «историком идей».

выявив возможные влияния на его построения 1940–1950-х годов – периода активного изучения Берлиным русской интеллектуальной истории.

Персонализм в историко-философских построениях И. Берлина. Отличительной особенностью Исая Берлина как историка является его внимание к мыслителям прошлого, что находит свое отражение в акцентированном выстраивании нарратива в отношении конкретных персоналий. На первый взгляд совершенно предсказуемый ход в случае работ Берлина имеет далеко не столь очевидный философский базис, который произрастает из глубин его ранних интеллектуальных поисков.

Берлин, будучи выпускником и в дальнейшем преподавателем Оксфордского университета, переживал период своего профессионального становления под отзвуки гремевшего в 1920–1930-е годы в Англии логического позитивизма как части аналитической традиции: его коллегами были, например, такие ученые, как Дж. Остин и А. Айер – с последним юный Берлин состоял в дружеской конкуренции. Приверженцы данного направления философской мысли понимали мир через систему строго научных терминов и понятий. Берлин довольно быстро отошел от подобного взгляда⁶, в ходе одной из дискуссий обозначив свою философскую позицию как «персоналистскую»⁷. Этот момент весьма показателен, и неслучайно исследователи творчества Берлина сопоставляют его идеи с философскими моделями теоретиков персонализма – Л.И. Шестова и главным образом Н.А. Бердяева⁸.

Н.А. Бердяев возводил в основание собственной философии духовно-творческое начало личности: «Личность есть субъект, а не объект среди объектов, и она включена во внутренний план существования, т.е. в мире духовном, в мире свободы. Общество же есть объект...»⁹. В другом своем эссе уже применительно к пониманию истории мыслитель констатировал: «Человек есть в высочайшей степени историческое существо. Человек находится в историческом и историческое находится в человеке. Между человеком и “историческим” существует такое глубокое, такое таинственное в своей первооснове сращение, такая конкретная взаимность, что разрыв их невозможен. Нельзя выделить человека из истории, нельзя взять его абстрактно и нельзя выделить историю из человека, нельзя историю рассматривать вне человека и нечеловечески...»¹⁰.

В знаменитом эссе «Еж и лис» (1953 г.) о Л.Н. Толстом Берлин, развивая мысль своего героя, указывал на важность в историческом исследовании персоналистической, творческой доминанты: «История, только история, только сумма определенных событий, имевших место во времени и пространстве, – сумма действительного опыта, накопленного действительно жившими на земле мужчинами и женщинами – в их отношении друг к другу и к реальной, трехмерной, эмпирически воспринимаемой среде нашего физического обитания, – лишь это заключало в себе истину, материал, из коего было возможно созидать настоящие ответы...»¹¹. В работе «Историческая неизбежность» (1954 г.) Берлин критиковал детерминистский и релятивистский взгляд на историю и доказывал, что свобода человеческой воли является основной причиной исторических изменений¹².

Г. Чижевский так описывал подход Берлина: «Одной из важнейших характеристик его методологии как интеллектуального историка является то, что в большинстве случаев он фокусировался на конкретном мыслителе, а не на отдельной идее или дискурсивной сети различных философов»¹³. Сам же Берлин писал, что «...идеи составляют истинное сосредоточение сложных и запутанных отношений человека и с самим собою, и с окружающим миром (курсив мой. – Д. Б.)»¹⁴. Бердяев схожим образом указывал на необходимость

⁶ Berlin I. My Intellectual Path // The Power of Ideas. Princeton, 2014. P. 2.

⁷ Грановская О.Л. Исая Берлин: британский либерализм и русская философия... С. 54.

⁸ Там же. С. 55.

⁹ Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека. СПб., 2024. С. 29.

¹⁰ Бердяев Н.А. Смысл истории: опыт философии человеческой судьбы. Париж, 1969. С. 23.

¹¹ Berlin I. Russian Thinkers. London, 1978. P. 29.

¹² Berlin I. Historical Inevitability. London; New York; Toronto, 1955.

¹³ Czyzewski H. Isaiah Berlin as a Historian // History and Theory. 2022. № 3. P. 454.

¹⁴ Berlin I. Russian Thinkers... P. 155.

постижения истории через собственное субъективное восприятие: «Нужно чтобы не только объект был историчен, но чтобы и субъект был историчен, чтобы субъект исторического познания в себе ощущал и в себе раскрывал “историческое”»¹⁵.

Тем самым персонализм, ввиду его сосредоточения на творческой, духовной стороне личности, личности как центре общечеловеческого мироздания, помимо смыслового наполнения, имманентно предопределял и форму нарратива: повествование выстраивалось исходя из концепций конкретных мыслителей прошлого, их духовных и творческих поисков.

Особенности изучения идей И. Берлиным в контексте развития исторической мысли середины XX в. Исторические работы Исаии Берлина с точки зрения композиции и формы сильно отличаются от привычного академического стиля письма. Остановимся на некоторых особенностях его исторических эссе.

Для Берлина идея и ее выразитель не выстраиваются в непрерывную генеалогическую линию, если только вокруг фигуры мыслителя не сложился прочный нарратив, без которого невозможно реконструировать его интеллектуально-биографическую траекторию. Например, в случае А.И. Герцена это яркая мемуаристичность его трудов, нашедшая свое высшее выражение в «Былом и думах» – одной из любимых книг Берлина¹⁶. Отдельные эссе, например «Россия и Европа, 1848 год» (1948 г.)¹⁷ – наиболее ранняя его работа из этого цикла, или же «Рождение русской интеллигенции» (1954 г.)¹⁸, и вовсе являются тем полотном, на котором в дальнейшем появляются новые герои – В.Г. Белинский, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой и др. Контекст созвучно идеям Бердяева служит Берлину в большей степени вспомогательной конструкцией, нежели непосредственным предметом изучения. Берлин редко прослеживает интеллектуальное развитие той или иной личности, например из детства или юности (что было довольно модным на рубеже 1950–1960-х годов на фоне популярности «психоистории» и неоязычества в целом), вместо этого, выбирая удобную для себя точку отсчета из более поздних, уже оформленных идей его героя, а также их последующей рецепции (так начинаются эссе о Толстом, Белинском, Тургеневе).

Идея в широком смысле слова тем самым «привязывается» к ее выразителю, а выразитель, в свою очередь, уже не мыслится в отрыве от озвученной им идеи. Сам по себе биографический подход (в случае Берлина, скорее, биографически-ориентированный) в противовес обезличенной и зачастую контекстуально отвлеченной «истории идей» имманентно предполагал хотя бы минимальное погружение в исторический фон периода жизни той или иной личности. Рассуждая о подходе Берлина, Г. Чижевский удачно подчеркнул различие двух взглядов на историю мысли: «Это не “история идей” в понимании Лавджоя, поскольку Лавджой пытался проследить концепцию “великой цепи бытия” как “единой идеи” на протяжении веков»¹⁹. История идей, согласно А.О. Лавджою – основоположнику данного направления, предполагала изучение «биографии» идеи как таковой на длительном хронологическом промежутке. Иначе говоря, он рассматривал идею как непреходящую константу во времени, а оптика изучения идеи Берлиным неизменно предполагала ее связь с конкретной личностью. Тем самым платонизм Берлина в отношении признания «вечных истин» (например, стремления человека к свободе) контрастировал с платонизмом в изучении идей как неких универсальных (и обезличенных) конструктов, исследованием которых занимались его многочисленные современники.

Нельзя не отметить, что в молодости, еще будучи студентом Оксфордского университета, Берлин испытал сильное влияние Р.Дж. Коллингвуда, который своими трудами продемонстрировал всю сложность и неоднородность исторического поиска и стал для юного Берлина проводником в мир континентальной философии в противовес аналитической традиции, против которой выступал сам. Так, Коллингвуд, стремясь показать важность истории, предпринял смелую попытку реабилитировать метафизику как область научного позна-

¹⁵ Бердяев Н.А. Смысл истории... С. 30.

¹⁶ Berlin I. Russian Thinkers... P. 186, 191.

¹⁷ Ibid. P. 1–22.

¹⁸ Ibid. P. 114–136.

¹⁹ Czyzewski H. Isaiah Berlin as a Historian... P. 454.

ния²⁰. Именно Коллингвуда относят к провозвестникам современной интеллектуальной истории (в духе так называемой «Кембриджской школы»²¹ – того направления, которое в дальнейшем задумывалось, в том числе, как преодоление популярной в 1930–1960-е годы «истории идей»). История, по мнению Коллингвуда, – это продукт человеческого мышления, который вырабатывается «историческим методом»²². «История мысли, а потому и вся история – воспроизведение мысли прошлого в собственном сознании историка»²³. Размышляя о возможностях исторической эпистемологии, Коллингвуд задается вопросом: «Но как историк воспринимает мысли, которые он пытается открыть?». Опираясь (во всем своем историко-философском творчестве) на наследие Дж. Вико и Б. Кроче, он дает на него следующий ответ: «Есть только один способ это сделать: историк воспроизводит их в своем собственном сознании»²⁴. Берлин пронизывает свое творчество этим интуитивистским постулатом, воспринимая его не просто как абстрактную методологическую сентенцию, а как максимум модели историописания²⁵.

Особенно ценным для понимания ранних теоретических изысканий Берлина в области истории является уже упомянутое эссе о Л.Н. Толстом – «Еж и Лис»²⁶. В кульминации своей работы Берлин, солидаризируясь с историческими взглядами Толстого и дополняя их, пишет о том, что история заключается в осознании неизбежности «потока»²⁷, в котором разворачиваются события. Если быть еще точнее – «поток» детерминирует эти события, а вместе с тем «историческое». Лишь свойства «воображения» – Берлин не проясняет данный термин, но, очевидно, он имеет перекличку с идеями Дж. Вико, творчество которого он глубоко ценил²⁸ – способны не просто осознать тот самый «поток», но и превзойти его через понимание возможных развилок, исторических альтернатив, а также той очевидной истины, что ничего в этом мире не имеет своей окончательной детерминации. В этой связи не случайно настороженное отношение Берлина к контекстуальному подходу в истории: если рассматривать контекст как «цепочку заведомых исторических истин», то эта стратегия не просто ограничит воображение – оно полностью его нивелирует²⁹. Чем полнее наше знание фактов и взаимной их связи, по мысли Берлина, тем сложнее представить простор для возможностей людей прошлого.

Тем самым историческое воображение неизменно должно быть осознаваемо каким-то внешним и более высшим воображением – чувством, которое даст понимание того, что сама природа этого воображения во многом обусловлена историческими обстоятельствами, в рамках и на фоне которых оно функционирует. Всеохватность истины и множественности раз-

²⁰ См.: *Collingwood R.G. An Essay on Metaphysics*. Oxford, 1948.

²¹ Примечательно, что, имея общего ментора – Р.Дж. Коллингвуда, И. Берлин и К. Скиннер в своих методологических воззрениях разошлись диаметрально противоположным образом. Этот гораздо более поздний спор не входит в сферу внимания настоящей работы, тем не менее нельзя не отметить, что точкой преткновения двух мэтров стал вопрос о существовании «вечных идей», места, роли и области применения контекста, а также понятия «свободы».

²² *Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография*. М., 1980. С. 210.

²³ Там же. С. 204.

²⁴ Там же. С. 205.

²⁵ Г. Чижевский выстраивает идейно-генеалогическую связь между Коллингвудом и Дж. Вико – первый во многом «открыл» британскому академическому миру итальянского мыслителя – и той моделью интеллектуальной истории, которую в конечном счете представил Берлин. См.: *Czyzewski H. Isaiah Berlin as a Historian...* № 3. Р. 459.

²⁶ Под анималистическими масками, как известно, скрывался сам Л.Н. Толстой, стремившейся быть «ежом» (монизм) при всей своей неотчуждаемой сущности «лисы» (плюрализм). Сама метафора, предложенная Берлиным со ссылкой на античного поэта Архилоха, служит своеобразным кличем персоналистического подхода к интеллектуальной истории – Берлин тактично призывает читателей и историков не «навешивать ярлыки», а рассматривать личность во всем многообразии ее намерений и устремлений.

²⁷ Берлин, применяя данный термин, ссылается на А. Бергсона, но сразу добавляет, что тот в сравнении с Толстым развивал свою мысль «несравненно дольше, и запутаннее, и неправдоподобнее – да еще и без нужды жонглировал учеными терминами». См.: *Берлин И. Русские мыслители*. М., 2017. С. 98–99.

²⁸ Именно Коллингвуд познакомил Берлина с творчеством Дж. Вико.

²⁹ *Берлин И. Русские мыслители...* С. 93, 146.

личных воль – сплав мыслительных устремлений ежа и лиса – достигается лишь посредством «синоптического (т.е. возвышенного. – Д. Б.) мироощущения»³⁰, которым, по всей видимости, может быть наделен только историк. Способность к воображению и есть свобода, свобода мыслить иным, отличным образом от реально свершившихся событий («как именно изменился бы в итоге мир и чем он отличался бы от нынешнего...»³¹). Тем самым наши мысли, идеи и воображение для Берлина и есть необходимый «переносчик» контекста. В более позднем эссе Берлин развил свою мысль, заявив, что «если индивид, выбирая одну траекторию, отказывается от другой, на практике реализуется тот самый плюрализм ценностей. Этот выбор и есть предмет интеллектуальной истории»³².

Примечательно, что в историографии воззрения и установки Берлина нередко сопоставляют с М.М. Бахтиным³³ – создателем концепции полифонизма, т.е. равноправного «звучания» голосов героев, не подчиненных единому авторскому замыслу. Кроме того, Бахтина относят к диалогическим персоналистам. Исследователь творчества Берлина писал: «Методология Берлина, как и его труды, определенно не была систематической; скорее, она напоминала “невидимый колледж”, где мыслители всех веков дискутируют друг с другом...»³⁴. Следует подчеркнуть, что и сам Берлин был важным участником этих диалогов. Он не склонен выдерживать исследовательскую дистанцию, свойственную классическим ученым-историкам, нередко преодолевая рубеж в целое столетие и напрямую вступая в диалог со своим героем, а иногда и вовсе сливаясь с его «голосом»³⁵. Как уже было показано выше, проводником в прошлое для Берлина является историческое воображение, которое становится возможным только в случае «понимания» автором своего героя. Современные исследователи творчества Берлина обоснованно видят в качестве теоретического каркаса для этого интуитивистского приема идею об «абсолютных предпосылках» Коллингвуда, которую Берлин всецело воспринял³⁶. Ярким маркером выстраивания Берлиным диалога с мыслителями прошлого является его необычное использование цитат. Они выступают в роли некоего буфера между слабо уловимой позицией автора³⁷ перед цитатой и последующим «слиянием голосов» Берлина и того или иного мыслителя, в результате чего создается своего рода полифоническое и вместе с тем диалогическое единство³⁸.

Русская интеллигенция и «поиск свободы». Субъективизм Берлина, сопряженный с его предзаданностью в поиске «свободы», имеет отчетливый эмпатический и интуитивистский характер, неотъемлемым образом присущий его историческим построениям с их персоналистской ориентацией. Эту отличительную черту историка, к слову, многие критиковали, а некоторые ученики и вовсе не смогли в полной мере принять. Ричард Пайпс, вспоминая о Берлине, писал: «Биограф Берлина (М. Игнатьев) утверждает, что он потому так восхищался Герценом, что тот представлял для него некий недостижимый “моральный идеал”: “Это был человек, который имел мужество и принял на себя политические обязательства, чего, увы, Исайя знал это, ему самому недоставало”»³⁹. Мартин Малиа, находившийся под сильным влиянием Берлина в годы преподавания последнего в Гарварде в 1950-е годы, применительно к его работам о Герцене утверждал, что Берлин и вовсе сконструировал образ последнего таким образом, чтобы сделать предтечей собственных взглядов. Малиа вспоминал: «...он переделал Александра Герцена так, чтобы тот стал пред-

³⁰ Берлин И. Русские мыслители... С. 149.

³¹ Там же. С. 146.

³² Цит. по: Czyzewski H. Isaiah Berlin as a Historian... P. 459.

³³ Emerson C. Isaiah Berlin and Mikhail Bakhtin: Relativistic Affiliations // Symplokē. 1999. Vol. 7., № 1. P. 139–164.

³⁴ Czyzewski H. Isaiah Berlin as a Historian... P. 451.

³⁵ См.: Berlin I. Russian Thinkers... P. 60–62.

³⁶ Skagestad P. Collingwood and Berlin: A comparison // Journal of the History of Ideas. 2005. Vol. 66, № 1. P. 111.

³⁷ Неслучайно многие коллеги и ученики Берлина отмечали, что его собственный взгляд на ту или иную проблему крайне сложно вычленивать из общего нарратива: «...для любого, кто слышал его лекцию лично или по радио, практически невозможно отделить выступающего от текста». Цит. по: Emerson C. Isaiah Berlin and Mikhail Bakhtin: Relativistic Affiliations... P. 144.

³⁸ См.: Berlin I. Russian Thinkers... P. 88–91, 195–197.

³⁹ Пайпс Р. Я жил. Мемуары непримкнувшего. М., 2005. С. 117.

шественником Исая Берлина. Так, мы получаем Герцена, представленного как философа со взглядами Берлина, и он писал об этом множество раз...»⁴⁰.

Последнее суждение можно объяснить тем обстоятельством, что Берлин, вероятно, апробировал свои метаидеи политико-философского уровня (или же, наоборот, приходил к ним таким путем) на более предметном историческом материале – представителях русской интеллигенции XIX в. Так, например, эссе «Бакунин и Герцен о свободе личности» (1955 г.)⁴¹ служит вероятным прототипом «Двух концепций о свободе». Каждый из героев, хоть и с некоторой долей условности, является проводником в осмысление понятия «негативной» свободы. Это эссе – редкий случай, когда Берлин отказывается от принципа полифонизма, отдавая явное предпочтение Герцену (именно его два высказывания выступают в качестве эпиграфа) и обрушиваясь с критикой на его антагониста Бакунина.

Данное эссе хоть и могло служить своеобразным прологом (на это указывает и их хронологическая близость с разницей всего в три года) к «Двум концепциям о свободе», тем не менее рассматривать его лишь в этом качестве – в отрыве от остальных работ Берлина в рамках этого цикла – было бы не вполне корректным. Оно лишь наиболее характерно демонстрирует интерсубъективный характер творчества Берлина. В то же время взаимосвязь между отдельными эссе из «Русских мыслителей» как предтечей к «Двум концепциям свободы» выступает, скорее, в роли определенного маркера, с помощью которого подчеркивается то, как интенциональность Берлина в области фундаментальных философских проблем связана с его видением и пониманием истории.

Тем не менее окончательно реконструировать истоки «Двух концепций о свободе» представляется практически невозможным. Исследователи видят влияние на Берлина философии Т. Гоббса, другие – Дж. Вико, И.Г. Гердера, И. Канта⁴² и др. Так или иначе, все эти версии восходят к исключительно западной философской традиции.

В контексте персонализма Берлина нельзя не отметить поразительное сходство его понимания «свободы» с воззрениями все того же Н.А. Бердяева. Их философские модели имеют ощутимую перекличку (по крайней мере структурную) за тем исключением, что Берлина, в отличие от Бердяева, никогда предметно не интересовали проблемы религиозно-теологического порядка. Так, в творчестве последнего выделяют три вида свободы, каждая из которых имеет свою градационную линию: 1) первичная, произвольная свобода; 2) свобода рациональная, через исполнение морального долга; 3) свобода, связанная с любовью к Богу⁴³. Первые два вида свободы – Бердяев и вовсе пишет об «отрицательной» (свобода «от», отход от Бога) и «положительной» (свобода «для», обращение к Богу) свободе⁴⁴ – имеют явную антагонистическую конгруэнтность со свободой «негативной» и «позитивной» соответственно; Бердяева называют сторонником «позитивной»⁴⁵, а Берлина – защитником «негативной» свободы.

Заключение. Исайя Берлин оказался на перекрестке разнообразных интеллектуальных традиций своей эпохи. Отвернувшись от аналитической философии и выбрав в качестве основы своего историко-философского поиска персонализм, он сосредоточился на изучении великих русских мыслителей XIX столетия. Идеино-теоретическим ориентиром для ученого стал Р.Дж. Коллингвуд, большую часть фундаментальных выкладок которого он воспринял и творчески развил на историческом материале. Изыскания Берлина в области истории очевидным образом соседствовали и с его осмыслением понятия «свободы», предопределив ту персоналистическую ориентацию, где во главу угла ставилась личность в полифоническом единстве с ее творческим духовным миром. Интеллектуальные интенции Берлина

⁴⁰ *Malia M.E.* Historian of Russian and European Intellectual History: An Interview Conducted by David Engerman in 2003. Berkeley, 2005. P. 34–35.

⁴¹ *Berlin I.* Russian Thinkers... P. 111–113.

⁴² Заглавие сборника эссе Берлина (1990) – «Изогнутое древо человечества» – цитата И. Канта из «Идеи всеобщей истории во всемирно-гражданском плане». Самой цитатой он вдохновился, слушая лекцию Коллингвуда в конце 1920-х годов. См.: *Berlin I.* The Crooked Timbers of Humanity: Chapters in the History of Ideas. New York, 1992.

⁴³ *Ермичев А.А.* Три свободы Николая Бердяева. М., 1990.

⁴⁴ См., например: *Бердяев Н.А.* Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989. С. 371–372, 493–494.

⁴⁵ *Герп В.А.* Свобода человека в философии К. Ясперса и Н.А. Бердяева // Вестник ЧелГУ. 2016. № 3. С. 92.

в этой области находят осязаемые переклички с историософскими построениями Н.А. Бердяева. В свою очередь, сосредоточение на конкретных личностях, их экзистенциально-биографической траектории, творческой активности, поисках, а не на общественно-экономических структурах, политике или культуре лишней раз позволяет говорить о персоналистическом ракурсе исторических построений Берлина.

Комплекс интеллектуального наследия Исайи Берлина на раннем этапе его творчества (до конца 1950-х годов) свидетельствует о многоаспектном эклектическом сплаве различных идей и влияний, требующих тщательного и внимательного рассмотрения. Предпринятая попытка эти влияния наметить, разумеется, не является окончательной, но, надеемся, послужит более целостному взгляду как на фигуру русско-британского мыслителя, так и на одну из наиболее влиятельных политико-философских концепций второй половины XX в.

Литература

Бердяев Н.А. Смысл истории: опыт философии человеческой судьбы. Париж: YMCA-Press, 1969. 269 с.

Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. М.: Правда, 1989. 607 с.

Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека. СПб.: Азбука, 2024. 384 с.

Берлин И. Русские мыслители. М.: Энциклопедия-ру, 2017. 496 с.

Герт В.А. Свобода человека в философии К. Ясперса и Н.А. Бердяева // Вестник ЧелГУ. 2016. № 3. С. 92–103.

Грановская О.Л. Исайя Берлин: британский либерализм и русская философия (диалог мировоззрений) // Вопросы философии. 2014. № 9. С. 51–59.

Грановская О.Л. Делиберативная и агрегативная модели демократии и агональный либерализм И. Берлина // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2015. № 2. С. 126–135.

Грановская О.Л. Исайя Берлин как философ и педагог // Высшее образование в России. 2015. № 8–9. С. 162–167.

Ермищев А.А. Три свободы Николая Бердяева. М.: Знание, 1990. 63 с.

Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. М.: Наука, 1980. 485 с.

Пайнс Р. Я жил. Мемуары непримкнувшего. М.: Московская школа политических исследований, 2005. 406 с.

Паньковский А. Агональный либерализм Исайи Берлина // Логос. 2003. № 4–5. С. 166–177.

Поляков Л.В. О понимании свободы. Перечитывая Исайю Берлина // Полития. 2009. № 1. С. 78–91.

Berlin I. Historical Inevitability. London; New York; Toronto: Oxford University Press, 1955. 79 p.

Berlin I. Russian Thinkers. London: The Hogarth Press, 1978. 312 p.

Berlin I. The Crooked Timbers of Humanity: Chapters in the History of Ideas. New York: Vintage Books, 1992. viii + 278 p.

Berlin I. Two Concepts of Liberty // Contemporary Political Philosophy: An Anthology. Oxford: Oxford University Press, 1997. P. 369–386.

Berlin I. My Intellectual Path // The Power of Ideas. Princeton: Princeton University Press, 2014. P. 1–23.

Collingwood R.G. An Essay On Metaphysics. Oxford: Clarendon Press, 1948. x + 354 p.

Czyzewski H. Isaiah Berlin as a Historian // History and Theory. 2022. № 3. P. 450–468.

Emerson C. Isaiah Berlin and Mikhail Bakhtin: Relativistic Affiliations // Symplokē. 1999. Vol. 7, № 1. P. 139–164.

MacCallum G.C. Negative and Positive Freedom // The Philosophical Review. 1967. Vol. 76, № 3. P. 312–334.

Malia M.E. Historian of Russian and European Intellectual History: An Interview Conducted by David Engerman in 2003. Berkeley, 2005. 230 p.

Skagstad P. Collingwood and Berlin: A comparison // Journal of the History of Ideas. 2005. Vol. 66, № 1. P. 99–112.

References

- Berdyayev, N.A. (1969). *Smysl istorii: opyt filosofii chelovecheskoy sud'by* [The Meaning of History: The Experience of the Philosophy of Human Destiny]. Paris, YMCA-Press. 269 p.
- Berdyayev, N.A. (1989). *Filosofiya svobody. Smysl tvorchestva* [The Philosophy of Freedom. The Meaning of Creativity]. Moscow, Pravda. 607 p.
- Berdyayev, N.A. (2024). *O rabstve i svobode cheloveka* [Slavery and Freedom]. St. Petersburg, Azbuka-klassika. 384 p.
- Berlin, I. (1955). *Historical Inevitability*. London, New York, Toronto, Oxford University Press. 79 p.
- Berlin, I. (1978). *Russian Thinkers*. London, The Hogarth Press. 312 p.
- Berlin, I. (1992). *The Crooked Timbers of Humanity: Chapters in the History of Ideas*. New York, Vintage Books. viii + 278 p.
- Berlin, I. (1997). Two Concepts of Liberty. In *Contemporary Political Philosophy: An Anthology*. Oxford, Oxford University Press, pp. 369–386.
- Berlin, I. (2014). My Intellectual Path. In *The Power of Ideas*. Princeton, Princeton University Press, pp. 1–23.
- Berlin, I. (2017). *Russkie mysliteli* [Russian Thinkers]. Moscow, Entsiklopediya-ru. 496 p.
- Collingwood, R.G. (1948). *An Essay On Metaphysics*. Oxford, Clarendon Press. x + 354 p.
- Czyzewski, H. (2022). Isaiah Berlin as a Historian. In *History and Theory*. No. 3, pp. 450–468.
- Emerson, C. (1999). Isaiah Berlin and Mikhail Bakhtin: Relativistic Affiliations. In *Symplokē*. Vol. 70, No. 1, pp. 139–164.
- Ermichev, A.A. (1990). *Tri svobody Nikolaya Berdyayeva* [The Three Freedoms of Nikolai Berdyayev]. Moscow, Znanie. 63 p.
- Gert, V.A. (2016). Svoboda cheloveka v filosofii K. Yaspersa i N.A. Berdyayeva [Freedom of a Person in Philosophy of K. Jaspers and N.A. Berdyayev]. In *Vestnik ChelGU*. No. 3, pp. 92–103.
- Granovskaya, O.L. (2014). Isaya Berlin: britanskiy liberalizm i russkaya filosofiya (dialog mirovozzreniy) [Isaiah Berlin: British Liberalism and Russian Philosophy (Dialog of Worldviews)]. In *Voprosy filosofii*. No. 9, pp. 51–59.
- Granovskaya, O.L. (2015). Deliberativnaya i agregativnaya modeli demokratii i agonal'nyy liberalizm I. Berlina [Deliberative and Aggregative Models of Democracy and I. Berlins Agonistic Liberalism]. In *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke*. No. 2, pp. 126–135.
- Granovskaya, O.L. (2015). Isaya Berlin kak filosof i pedagog [Isaiah Berlin as a Philosopher and a Teacher]. In *Vysshee obrazovanie v Rossii*. No. 8–9, pp. 162–167.
- Kollingvud, R.Dzh. (1980). *Ideya istorii. Avtobiografiya* [The Idea of the History. Autobiography]. Moscow, Nauka. 485 p.
- MacCallum, G.C. (1967). Negative and Positive Freedom. In *The Philosophical Review*. Vol. 76, No. 3, pp. 312–334.
- Malia, M.E. (2005). *Historian of Russian and European Intellectual History: An Interview Conducted by David Engerman in 2003*. Berkeley. 230 p.
- Pan'kovskiy, A. (2003). Agonal'nyy liberalizm Isayi Berlina [Isaiah Berlin's Agonal Liberalism]. In *Logos*. No. 4–5, pp. 166–177.
- Pipes, R. (2005). *Ya zhil. Memuary neprimknushhego* [Vixi: Memoirs of a Non-Belonger]. Moscow, Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy. 406 p.
- Polyakov, L.V. (2009). O ponimanii svobody. Perechityvaya Isayyu Berlina [On the Understanding of Freedom. Rereading Isaiah Berlin]. In *Politiya*. No. 1, pp. 78–91.
- Skagestad, P. (2005). Collingwood and Berlin: A Comparison. In *Journal of the History of Ideas*. Vol. 66, No. 1, pp. 99–112.